

туры ГДР З. Вагнера, приняли участие представители научных учреждений, общественных организаций и деятели культуры ГДР, а также ученые и культпросветработники из ВНР, НРБ, ПНР, СРР, СССР и ЧССР.

Было заслушано 14 докладов. Часть их (В. Жириковска — ЧССР, И. Козева — НРБ, М. Лещак — ЧССР, И. Мейтою — СРР, Я. Тот — ВНР, Б. Шольце — ГДР) носила в значительной мере информационный характер. Докладчики познакомили слушателей с ведущейся в их странах и приобретающей все больший размах работой по изучению, сохранению и сценическому воплощению старых народных традиций и обрядов (преимущественно трудовых), а также по созданию новых обрядов.

Высказывалось мнение, что «традиции надо искать не только в жизни, но и в архивах» и наиболее ценные из них возрождать. Оно обосновывалось конкретными примерами положительного опыта использования архивных материалов для реконструкции уже забытых трудовых обычаев и обрядов (Э. Мюнц и Г. Латч — ГДР). Вместе с тем прозвучало серьезное предостережение от механического перенесения старых традиций и обрядов в современность. По мнению ряда выступавших, их обязательно следует трансформировать, чтобы сделать созвучными современности, в противном случае реконструированные традиционные обычаи и обряды не найдут отклика в наши дни (Х. Лейхзенринг — ГДР, Ян Макульски — ПНР, Э. Мюнц, Б. Шольце). Обращалось также внимание и на недопустимость навязывания новых обычаев и обрядов. «Народ должен принять их добровольно» — подчеркнул директор Института исследований народного творчества Х. Лейхзенринг.

В подавляющем большинстве докладов рассматривались главным образом традиции и обряды, порожденные крестьянским бытом, что бесспорно свидетельствует о слабой изученности духовной культуры рабочих (на это указывалось и в докладе З. Вагнера). Специально обычаям и обрядам рабочих были посвящены лишь два доклада. Г. Латч рассказал о возрождении в Лейпциге обряда посвящения в печатники, Н. Полищук (СССР) — о трансформации обычаев и обрядов промышленных рабочих России в современных трудовых обрядах и праздниках.

Отмечая изменение функций традиционных обрядов — теперь она в основном развлекательная — выступавшие говорили о необходимости привлечения ученых (этнографов и фольклористов) в качестве консультантов не только при разработке новых обрядов, но и при составлении сценических фольклорных программ, которые должны быть исторически достоверными. При этом в качестве основного критерия формирования репертуара выдвигалась социальная значимость обрядов, а не «зрительность», красочность (З. Вагнер, Х. Лейхзенринг, М. Лещак, Ян Макульски).

На коллоквиуме поднимался и вопрос о повышении роли радио и телевидения в пропаганде и распространении национальной культуры (Я. Тот). Принципам обработки произведений фольклора для радио, телевидения и сцены был посвящен доклад Д. Люцера и Яна Криста (ЧССР); опыту работы с песенными и танцевальными фольклорными коллективами — доклад И. Веретенникова (СССР).

Многие выступавшие подчеркивали, что интерес к фольклору растет во всех странах, и фольклоризм не мода, а знамение времени. В связи с этим отдельные докладчики призывали к более широкому ознакомлению школьников с фольклором и этнографией (Э. Мюнц), а также к созданию единой модели преподавания фольклора в социалистических странах (Я. Тот).

Проходивший под девизом «Учиться у друзей и помогать им» коллоквиум в Шмалькальдене, на котором рассматривался широкий спектр вопросов, представляющих интерес и для ученых и для практиков, еще раз подтвердил необходимость и плодотворность междисциплинарных встреч ученых разного профиля и практиков.

Материалы коллоквиума, в том числе и доклады, оставшиеся не прочитанными из-за нехватки времени, должны быть опубликованы.

Н. С. Полищук

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ НАУЧНОГО СОВЕТА АН СССР ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Вопрос о содержании понятия «регион» относится к числу актуальных и вместе с тем сложных и во многом недостаточно разработанных аспектов методологии культурологических исследований. Сложность усугубляется тем, что само понятие региона далеко не однозначно трактуется этнографами, историками, фольклористами, литературоведами и представителями других областей знания, где этот термин употребляется. Все сказанное относится и к изучению истории и культуры славянских и балканских народов эпохи формирования наций и национальных культур. Междисциплинарному обсуждению этих проблем было посвящено очередное расширенное заседание Ленинградского отделения Научного совета АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, состоявшееся в Ленинградской части Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР 19 ноября 1982 г. Наряду с сотрудниками этого института и ряда других научных учреждений Ленинграда в работе засе-

дания приняли участие московские коллеги из Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Дискуссию открыл Т. М. Исламов (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Москва), сделавший доклад «О понятии региона и его содержании». В силу неравномерности исторического развития, обусловленного социально-экономическими причинами, отметил докладчик, человечество проходит формационные ступени разновременно. С этим связаны различия в уровне развитости отдельных народов, стран и больших территориальных комплексов. Таковы, по мнению Т. М. Исламова, в самых общих чертах исторические причины возникновения региональных отличий, существующих в объективной реальности. Однако невозможно раз и навсегда выделить неизменные крупные региональные территориальные комплексы. Напротив, они исторически изменчивы. Это отличает исторические регионы от регионов географических, в основе складывания которых лежат относительно более устойчивые естественно-природные факторы.

Ареал, называемый Центральной и Юго-Восточной Европой, может рассматриваться как «историко-географическая» система, но не как система замкнутая, а как часть европейской макросистемы, в свою очередь являющейся органической частью общечеловеческой общности (оikumeny).

С развитием общественных наук, их усложнением, ускорением их дифференциации и одновременно с их интеграцией (о чем свидетельствует возрастающий интерес к пограничным проблемам родственных отраслей знания) повышается значение междисциплинарного подхода к изучению одного и того же пространственно ограниченного явления или процесса. Все это делает совершенно необходимым уточнение, усовершенствование понятийного аппарата и научной терминологии, в частности таких категорий, как ареал, регион, субрегион, область, зона, провинция и т. п. Однако единство в толковании этих понятий отсутствует. Более того, не выявлена связь и соподчиненность между ними даже в пределах отдельных дисциплин.

В этом смысле, сказал докладчик, заслуживает внимания опыт советской этнографии, в которой классификация изучаемых территориальных единиц и применяемый при этом понятийный аппарат разработаны в настоящее время полнее и лучше, чем в других отраслях знания. Ю. В. Бромлей, например, исходит из категории историко-этнографических общностей, формирующихся на протяжении длительного времени в ходе культурной интерференции различных этносов. Названные общности занимают те или иные географические пространства разных таксономических уровней; наиболее крупные единицы Ю. В. Бромлей называет провинциями, затем следуют единицы меньшего размера — области, подобласти, историко-культурные регионы, а также «однотактные» историко-культурные ареалы и социокультурные регионы.

Т. М. Исламов отметил, что проблема ареала Центральной и Юго-Восточной Европы разрабатывалась в статьях В. А. Дьякова, Д. Ф. Маркова, И. С. Миллера, А. С. Мыльников, В. И. Фрейдзона, выдвинувших методологические и методические соображения, которые служат хорошей основой для научной разработки понятия ареал — регион, и для дальнейших плодотворных размышлений на эту тему. К комплексному изучению ареала Центральной и Юго-Восточной Европы историки и историки культуры подходили эмпирически, преодолевая барьер страноведческих исследований. При этом становились очевидными на новом этапе междисциплинарных исследований существенные недостатки прежнего подхода, ограниченного сферой истории и культуры отдельных народов и стран. Но и на новом, более высоком уровне исследований мы не сможем преодолеть те же недостатки, если станем рассматривать ареал, либо регион как законченные системы вне связей их с другими однопорядковыми единицами. Поэтому, заключил свой доклад Т. М. Исламов, признание относительности, мобильности границ ареала Центральной и Юго-Восточной Европы и входящих в его состав регионов в разные исторические эпохи приобретает особое значение.

Доклад Т. М. Исламова, в котором были намечены некоторые существенные направления разработки методологии региональных исследований и вместе с тем отразилась спорность и нерешенность многих принципиальных вопросов, вызвал оживленную дискуссию. При этом для комплексных исследований процессов формирования наций у славянских и балканских народов особенно плодотворным было сосредоточение внимания именно на спорных, неоднозначно трактуемых аспектах темы.

Ю. В. Иванова (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) посвятила свое выступление вопросам методологии этнографического районирования на примере историко-этнографической области (ИЭО) Юго-Восточной Европы (понятие в географическом плане более широкое, чем «Балканская»).

Принцип районирования — выделение комплекса явлений культуры, в первую очередь культуры на бытовом уровне (что составляет непосредственный предмет этнографических исследований), в сочетании с явлениями языка, профессиональной культуры и другими факторами в контексте социально-экономических процессов.

Выделение ИЭО всегда должно быть приурочено к определенному времени и уровню социально-экономического развития. Многие системообразующие этнографические традиции Юго-Восточной Европы восходят к византийскому периоду, после переселения славян на Балканы, когда были живы многие традиции античного мира и даже более ранние, а также сохраняли действенность сильные ближневосточные элементы культуры. Время существования ИЭО простирается до индустриальной эпохи, когда начинаются различные деформирующие процессы. Но и на протяжении указанного времени культурный комплекс ИЭО подвергается постоянным изменениям.

Границы ИЭО, сказала Ю. В. Иванова, никогда не бывают однолинейными: они представляют собой более или менее широкую переходную («контактную») зону. Та-

кой зоной для ИЗО Юго-Восточной Европы является ее северо-восток — Дунайская равнина. Через Румынию, историческую область Буджак (современная Одесская область УССР) и далее по Северному Причерноморью простирается ареал, который по этнографическим характеристикам можно рассматривать как периферийный по отношению к Юго-Восточной Европе.

В докладе показывалось, что для формирования культурного комплекса ИЗО большое значение имеют государственные границы. В этом смысле очень характерны области старого государственного размежевания между империей Габсбургов и Оттоманской Портой, разумеется, с учетом изменений, происходивших на протяжении веков. Так, бытовая и профессиональная культура словенцев и части хорват принадлежит к Центрально-Европейской ИЗО. Наконец, для формирования культурного комплекса ИЗО как открытой системы большое значение имеет хозяйственно-культурный тип (ХКТ). Через ХКТ кочевых скотоводов и ХКТ отгонных скотоводов Юго-Восточная Европа связана с обширной Карпато-Балканской зоной и прилегающими к ней территориями; через ХКТ земледельцев специализированного направления (садоводство, виноградарство, культура маслин) прослеживается связь с Южной Европой и т. д.

Ряд участников дискуссии обращался к рассмотрению проблемы региона на конкретных материалах истории, литературы и фольклора славянских и балканских народов второй половины XVIII — середины XIX вв. С. В. Никольский (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Москва) остановился на вопросе о своеобразии культурно-исторического развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Специфику процесса он связывал, в частности, с тем, что в отличие от ряда стран Западной Европы здесь еще не были решены задачи буржуазной революции и одновременно очень остро стоял национальный вопрос, поскольку формирование буржуазных наций происходило в условиях иноземного гнета. Характерным для этого времени был интенсивный центристский синтез этнокультурных традиций — языка, исторических знаний, фольклора и т. д. В условиях нарастающей освободительной борьбы создавалась народно-коллективистская ориентация художественной культуры. Однако в рамках общих процессов заметны и существенные различия, связанные с конкретной исторической обстановкой развития той или иной страны. Так, в отличие от Польши или Венгрии в других странах этой части континента (Болгария, Сербия и др.) не сохранилось «своего» дворянства и соответственно не существовало дворянского этапа национально-освободительного движения. Можно выделить два типа, два варианта культурно-исторического развития. Один из них характерен для народов, прошедших в полном виде «классический» цикл развития: ренессанс, барокко, классицизм, романтизм (как было, например, в Польше). Второй тип свойствен народам, пережившим в предшествующую эпоху в результате иноземного гнета сильное ослабление этнокультурной жизни и не знавшим ряда стадий культурно-исторического процесса. В названную эпоху указанные страны проходили эти стадии как бы в фрагментарном виде, в синкретической форме (например, Болгария). В данном случае еще в конце XVIII—XIX вв., как правило, сочетались разностадийные признаки, архаические и новые формы (попытки кодификации в качестве литературной нормы письменного языка XVI в. в Чехии, древнегреческого языка в Греции, следы агнографических жанров в болгарской литературе первой половины XIX в. и т. д.). Все это придавало этнокультурному развитию народов Центральной и Юго-Восточной Европы черты несомненного регионального сходства.

Выводы С. В. Никольского, сделанные преимущественно на основе анализа материалов истории литературы развил В. И. Фрейдзон (Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Москва). Под регионом, сказал он, мы понимаем территорию расселения народов, длительное время развивавшихся в сходных исторических условиях и поэтому характеризующихся устойчивым комплексом существенных общих черт в социально-экономической, политической и культурной сферах. Очертания регионов могут быть более или менее четкими и по-разному определяться этнографами, историками и представителями других наук. Докладчик считает плодотворной высказанную Т. М. Исламовым мысль о системообразующем факторе региона. Что касается гражданской истории, то таким фактором является социально-экономический строй, включая и этнический состав населения. Поэтому в поздние средневековые и в эпоху разложения феодализма отдельные регион составляли не «Балканы» или «Юго-Восточная Европа», а европейские владения Османской империи. Тогда же черты особого региона были присущи восточной части Центральной Европы. Таким образом, в первом случае пределы региона определялись границами государства как социального организма, в другом — наличием группы стран со сходным социально-экономическим строем. Но понятие региона применимо и к такому социальному организму, как монархия Габсбургов, в пределах которого четко видны субрегионы: западные немецко-славянские области, Венгерское королевство, Галиция.

Социально-экономический строй Османского государства, не совместимый по существу с развитием капитализма, определял характер политической и социальной борьбы, о чем свидетельствовали массовые национально-освободительные движения, направленные на создание независимых государств. Эти же обстоятельства сказывались на развитии национальных культур. В Габсбургской же монархии, как и в других странах восточной части Центральной Европы, более или менее интенсивно развивался капиталистический уклад, но в силу закономерностей социально-экономического развития переход к капитализму здесь стал возможен под контролем господствующих классов, при сохранении полиэтничных государств, помещичье-буржуазного и национального гнета. Интенсивное развитие внутреннего рынка обусловило здесь в отличие от Османского региона значительные центристские тенденции, противостоявшие

центробежным. Все это так или иначе отразилось на эволюции общественной мысли и культуре народов.

Оба эти региона в совокупности мы имеем основания рассматривать в данном случае как определенный ареал ввиду относительно позднего развития здесь капитализма, наличия многонациональных монархий. Но если регион характеризуется однотипностью производственных отношений и существенных общественно-политических процессов, то ареал — лишь некоторыми сходными чертами, преимущественно надстроечного порядка.

Об актуальности рассматриваемой проблемы говорил Б. Н. Путилов (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград), отметивший, что в современной фольклористике употребление термина «регион» не отличается ни последовательностью, ни строгостью. Очевидно, это понятие не может быть выведено из анализа фактов, относящихся к одной научной дисциплине. Для этого более подходят другие термины — «область», «ареал» и т. д. Термин «регион» имеет наддисциплинарное значение и основан на некоторых самых общих (и одновременно довольно точных) критериях. Как известно, в настоящее время весь мир (как и отдельные его районы) поделен на регионы. Изучение в региональном плане конкретных научных проблем, несомненно, представляет интерес. В частности, для фольклористики такой подход важен при решении историко-генетических задач, установлении исторической типологии отдельных крупных явлений, выделении контактных зон и их границ и т. д. Однако мы не должны находиться под гипнозом наддисциплинарного регионального членения. Вполне возможно (и уже известно немало соответствующих фактов), что картина жизни того или иного фольклорного жанра, история межэтнических фольклорных связей и т. д. не соответствует общепринятым представлениям о региональных границах. Установление расхождений, как и соответствий, очень важно, поскольку это способствует углублению наших представлений о региональных отношениях в сфере культуры, и тем самым помогает выработать необходимые критерии понятия «регион».

По ряду обсуждаемых вопросов мнения участников заседания разошлись. Так, Л. С. Шептаев (Ленинградский педагогический ин-т им. А. И. Герцена) выступил против слишком прямолинейного, как он полагает, отождествления понятия «регион» с понятиями «народ» и даже «государство». Он указал, что в практике фольклористов понятие «регион» значительно уже по объему и совсем неадекватно понятию «этнос» или «государство». Для России это зона, своеобразная по составу русского населения и его фольклора в отличие от других мест. Например, песни на Севере и на Волге совсем различны не только по тематике, но и по отбору черт для характеристики русского героя, по трактовке образов, по характеру музыки, по композиции и пр. Волга и Север, таким образом, разные регионы России. Нельзя объединить в одном понятии Сибирь и Европейскую Россию даже по тематике исторических песен. С другой стороны, некоторые русские песни бытуют, например, в болгарском фольклоре, т. е. государственные границы отнюдь не служат преградой для фольклорных связей.

Эту мысль на материалах художественной литературы в известном смысле поддержал К. И. Ровда (Ин-т русской литературы АН СССР — Пушкинский дом). Он указал, что любое понятие нужно рассматривать в тесной связи с другими понятиями. В мировом литературном процессе, например, национальная (или этнокультурная) специфика проявляется прежде всего в языке. Поэтому славянскую культурную общность нельзя считать региональной, тем более что и само понятие региона носит относительный характер.

И. М. Порочкина (Кафедра славянской филологии Ленинградского гос. ун-та) обратила внимание на некоторую парадоксальность сложившейся ситуации: никто не отрицает объективного факта существования регионов, но более или менее точное выделение критериев еще не достигнуто. Для этого, полагает она, следует выявить системообразующее начало. Главным здесь является фактор центристскости, способствующий концентрации, объединению народов определенных областей. При этом собственно этнические аспекты не играют решающей роли, важнее фактор социальной или этнополитической оппозиции, противопоставления. Регионы Центральной и Юго-Восточной Европы сложились в основных чертах в эпоху формирования наций, хотя в зародыше их можно проследить на раннефеодальном уровне. Весьма убедительным примером может служить просветительская миссия Кирилла (Константина) и Мефодия, призванных в IX в. в Моравию не из Рима, а из Византии.

В ходе дискуссии неоднократно говорилось о важности привлечения широких сопоставительных материалов по другим регионам. В этом смысле интерес представило выступление А. М. Решетова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград), который привел ряд примеров дифференциации регионов Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии, обратив внимание на историческую изменчивость границ этих историко-этнографических областей. Так, если в качестве системообразующего фактора брать иероглифическую письменность и конфуцианские традиции, то Китай, Корея и Япония могут рассматриваться как регион Восточной Азии. Однако исторически районы, расположенные к югу от р. Янцзы, принадлежали к историко-этнографической области Юго-Восточной Азии. Позднее, войдя в середине II тысячелетия н. э. в состав Китайского государства, они претерпели процесс китаизации и относятся к региону Восточной Азии. Это еще раз подтверждает существенную роль государственного фактора, как об этом уже говорилось на примерах народов Балкан и Центральной Европы. Вообще, по мнению А. М. Решетова, выделяя региональные общности, необходимо учитывать цели, стоящие перед исследователями. При этом следует различать сплошные и дисперсные регионы.

Н. В. Юхнева (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) отметила, что результаты обсуждения еще раз выявили неоднозначность используемой терминологии. В одном случае понятием «регион» объединяют несколько стран и народов, в другом — на регионы делают одну этническую территорию. Видимо, целесообразно договориться о разных терминах для обозначения явлений разного таксономического уровня. Выразив несогласие с точкой зрения А. М. Решетова о существовании дисперсных регионов, Н. В. Юхнева указала, что региональный подход заключается именно в изучении объектов, объединенных территориально. При этом она подчеркнула большую роль экологических факторов. Видимо, именно поэтому региональный подход наиболее плодотворен при изучении явлений материального порядка (форм хозяйства, материальных форм культуры). Недаром наибольшее сомнение в действенности регионального подхода прозвучало в выступлении литературоведа К. И. Ровды.

Несмотря на расхождения участников дискуссии по ряду существенных вопросов, они высказали сходные мнения. Прежде всего, это касалось признания важности рассматриваемой проблемы и в методологическом и в конкретно-научном отношениях. Единодушно высказывалось мнение, что проблема региона должна трактоваться в междисциплинарном плане при одновременном уточнении понятийного аппарата. Отмечалось, что обозначение одним и тем же термином «регион» в сущности разнопорядковых явлений нельзя считать удовлетворительным. Справедливо подчеркивалась и относительность контуров тех или иных регионов, формирующихся и меняющихся под воздействием материального и духовного производства.

Соглашаясь с указанными суждениями, нельзя не обратить внимания на важность диалектического подхода к проблеме исторической изменчивости границ регионов. Несомненно, что в ходе длительного развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы контуры входящих в этот ареал регионов могли претерпевать и действительно претерпевали изменения. Однако было бы неверным преувеличивать черты подобной изменчивости. Решение вопроса, на наш взгляд, лежит в понимании факта генезиса тех границ регионов, которые мы застаем к эпохе формирования наций у проживавших здесь этносов. Историзм самого феномена «регион» означает не просто констатацию относительности его границ, а раскрытие постепенности его формирования в процессе поступательной смены общественно-экономических формаций. Подходя к вопросу с таких позиций, в качестве своего рода точки отсчета можно было бы взять понятие «исторической области» как территории, обладающей чертами экономической, культурной и экологической общности. По мере исторического развития и под воздействием социально-экономических, политических и иных факторов базисного и надстроечного порядка постепенно происходило то или иное соединение отдельных исторических областей в относительно устойчивые и более крупные системные комплексы вплоть до оформления на этой основе Центральноевропейского и Балканского регионов. Иначе говоря, регион вообще можно рассматривать как совокупность исторических областей.

Несомненно, что названная проблематика заслуживает дальнейшего изучения с привлечением данных по истории и культуре других регионов. Дискуссия, проведенная на материалах Центральной и Юго-Восточной Европы эпохи формирования наций, показала важность и плодотворность коллективного рассмотрения этих вопросов. Способствуя сопоставлению точек зрения и научной традиции, существующих в этнографии, истории, литературоведении и других отраслях знания, она позволила подвести некоторые итоги, выявить как совпадения, так и расхождения во взглядах, что открывает пути дальнейшей разработки проблемы регионов.

А. С. Мыльников

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В 1981—1983 гг. в Лешуконском и Верхнетоемском районах Архангельской области работала этно-педагогическая экспедиция Клуба Друзей Игры¹ в составе студентов педагогического, исторического и филологического факультетов МГПИ им. В. И. Ленина (руководители — А. Н. Кульгускин и С. В. Григорьев). Задача экспедиции — этнографическое изучение народных игр и игрового фольклора Архангельской области и выяснение места и роли игр и игрового фольклора в народной педагогике.

В Лешуконском районе работа велась и два этапа (октябрь — ноябрь 1981 г. и январь—февраль 1982 г.) тремя небольшими группами. Маршруты проходили по 13 селам и деревням, расположенным по течению рек Мезени и Вашки. В Лешуконском районе по анкете «Русские народные игры», включающей традиционные игры, такие как бабки, горелки, кубарь, «колесо», «котел» и т. д. было опрошено 38 информаторов в возрасте от 11 до 100 лет (Т. К. Токарев, 1881 г. рождения, деревня Юрома; Л. А. Прошкина, 1885 г. рожде-

¹ Сообщение о предыдущих экспедициях КДИ см. в журнале Сов. этнография, 1983, № 1.